

История формирования юкагиров, обитателей континентальных областей Крайнего северо-востока Сибири, хотя и затрагивается во многих работах, исследована крайне слабо в связи с бедностью источников. Археологические исследования области расселения юкагирских племен начаты сравнительно недавно и, несмотря на значительные результаты, еще далеки от завершения.

В конце XIX в., когда началось этнографическое изучение юкагирской культуры, ее малочисленные носители, затерянные в делях Колымского края, в значительной степени перемешались с эвенками (ламутами), якутами и утратили свою самобытность в области материальной и отчасти духовной культуры. Лингвистам известны лишь два диалекта юкагирского языка — тундренный и колымский. Омокский и чуванский диалекты исчезли ко времени научного изучения юкагиров.

Документальные исторические источники XVII в. свидетельствуют, что к приходу русских юкагирские племена занимали огромную территорию от Лены до Анадыря (Огородников, 1924; Долгих, 1960а, 379—442). Фольклорные материалы рисуют юкагиров многочисленным народом, по сибирским масштабам (Сарычев, 1952, 65). Юкагирских костров, по преданиям якутов, было так много, как звезд на небе в ясную морозную ночь. Птицы, пролетавшие над юкагирской землей, становились желтыми от дыма костров юкагиров (Огородников, 1922, 272).

Большинство исследователей склонны видеть в современных юкагирах потомков древнейшего аборигенного населения северо-востока Сибири. В. И. Иохельсон полагал, что юкагиры в глубокой древности перешли через Берингов пролив в Северную Америку, а затем, после потепления, отступления ледника, вновь вернулись в Сибирь. Однако эту гипотезу он не смог подтвердить фактическими данными.

Анализ археологических и этнографических материалов, касающихся Ленского края, привел А. П. Окладникова к заключению, что из современных племен Севера имеют больше всего

оснований претендовать на прямое происхождение от древнейшего этнического пласта Якутии юкагиры, обитавшие на этом пространстве до якутов и тунгусских племен (Окладников, 1955б, 292).

Следует отметить, что существует и расширительное понимание термина «юкагиры». Так, Б. О. Долгих условно именует юкагирами охотников за диким северным оленем и рыбаков внутренней части северо-востока Азии, указывая, что вместо названия «юкагиры» вполне можно было бы пользоваться выражением «северные палеоазиаты или внутриматериковые северо-сибирские палеоазиаты» (Долгих, 1952б).

М. Г. Левин считал юкагирским все неолитическое население не только Ленского края, но и Прибайкалья. «Прослеживаемый в археологических материалах Прибайкалья комплекс,— писал он,— связывается не с эвенками, а с дотунгусским — «палеоазиатским» в широком смысле слова — населением Восточной Сибири, предположительно — с юкагирами» (Левин, 1958, 187).

Однако новые накопленные материалы о древнем населении Прибайкалья позволяют считать этот регион особым очагом неолитического этногенеза, близким к Ленскому, но все же специфичным (Окладников, 1970; Рычков, 1961, 24).

Рассмотрим данные, освещающие этногенез юкагиров.

Археологические памятники свидетельствуют о довольно раннем заселении человеком территорий, некогда осваивавшихся юкагирами. Так, А. П. Окладников находит в полосе от среднего течения Лены до Чукотки уже в неолите культуру неолитических охотников на дикого оленя, подобную той, которая была характерна для юкагиров (Окладников, 1963в, 106—123). Основываясь на материале многослойных поселений в низовьях р. Лены и на Алдане (стоянки Сылаах, Ымыяхтах и др.), А. П. Окладников пришел к выводу, что историческое развитие неолитических племен Якутии шло на автохтонной основе, без каких-либо крупных изменений этнического состава коренного населения, способных существенно влиять на облик его культуры. Люди, осваивавшие Ленский край, были, очевидно, прямыми потомками палеолитических охотников, проникших в Якутию (Окладников, 1955б, 133; 1970, 186).

Значительный интерес для периодизации памятников этой полосы Восточной Сибири и установления этнокультурных связей представляет многослойная стоянка Балькачи-1 на Алдане (Мочанов, 1969б). Опираясь на стратиграфию этого памятника, Ю. А. Мочанов дает следующую периодизацию каменного века Якутии: 1) поздний палеолит — VIII—V тысячелетия до н. э.; 2) ранний неолит — IV тысячелетие до н. э.; 3) средний неолит — III тысячелетие до н. э.; 4) поздний неолит — II тысячелетие до н. э.

Памятники позднего — голоценового — палеолита, по наблюдениям Ю. А. Мочанова, локализируются в бассейнах Вилюя, Алда-

ца и среднего течения Лены. Это сезонные угодья охотников, которые занимались и рыболовством. У людей, оставивших эти памятники, бытовали жилища типа чума. В этот период еще не использовались луки, о чем свидетельствует отсутствие наконечников метательных орудий. Видимо, в это время формируется уклад, который затем с различными локальными особенностями сохраняется на всем протяжении неолита в тайге и тундре.

Позднепалеолитическая культура рассматриваемой зоны имеет целый ряд тождеств с чукотскими материалами и древними археологическими культурами Американской Арктики, с кремневым комплексом Демби в частности (Диков, 1964а, б; Giddings, 1964).

Верхний неолит характерен известной варпабельностью «верхних» стоянок на надпойменных террасах и «нижних» — на высокой пойме. Памятники раннего неолита (сыалаахская культура) имеются в нижнем течении Лены, на Индигирке и распространяются на запад до Таймыра — до правого берега Хатанги.

Этот период характерен преобладанием в культуре древнего населения охоты и относительной оседлости. В это время у древних охотников появляются лук (встречены многочисленные наконечники стрел) и сетчатая керамика.

В среднем неолите отмечается наивысшее развитие обработки каменных орудий. Однако тот же образ жизни, сформировавшийся в раннепалеолитическое время, сохраняется почти без изменений. Особенностью керамики этого времени являются отпечатки шнура, а орудий — ступенчатые тесла, тесла с ушками и двусторонние, ретушированные треугольные наконечники стрел с асимметричными жальцами. Памятники раннего неолита (белькачинская культура) распространяются от Хатанги до бассейна Анадыря. Практически белькачинская культура перекрывает временно ту территорию, которую занимали юкагиры ко времени прихода русских. На Североамериканском континенте аналогом керамики этой культуры является керамика Вудленд.

Позднепалеолитическая (Ымыяхтахская) культура встречается на той же территории. По мнению Ю. А. Мочанова, этот период характерен обособлением археологической культуры. Ымыяхтахцы селятся на приустьевых мысах, в долинах рек и на берегу озер. Они ведут «полуоседлый» образ жизни. В тайге добывается главным образом лось, в тундре — дикий северный олень. Прослеживаются круглые в плане, обложенные по окружности камнями жилища. Поселения расположены на надпойменных террасах. Охотничье оружие состоит из пожей, копий и луков со стрелами. Ымыяхтахский кремневый комплекс отличается от каменных орудий предыдущего этапа меньшими размерами. Костяные орудия представлены наконечниками копий и пожей с каменными вкладышами, шильями, иглами, отжимниками и ретушевыми. Керамические сосуды по большей части имеют яйцевид-

ную форму. Они покрыты характерными «вафельными» отпечатками.

В настоящее время накоплен значительный материал, позволяющий очертить область распространения Ымыяхтахской культуры, датирующейся по радиоуглеродному методу III—II тысячелетиями до н. э.

Археологическое изучение древних стоянок долины р. Колымы показало, что она была заселена носителями этой приленской культуры. Древние обитатели Колымы, судя по материалам стоянок, находились в тесных связях с населением бассейнов Нижней и Средней Лены, а также Алдана (Федосеева, 1975, 88—89).

Большой интерес имеют памятники пограничной зоны между Западной Сибирью и территориями на восток от Таймыра, исследованные Л. П. Хлобыстиным. Так, при раскопках стоянки Тагенары-II в междуречье Авама и Хеты Л. П. Хлобыстин обнаруживает остатки бескерамической культуры охотников за диким оленем периода IV—V тысячелетий до н. э. (Хлобыстин, 1969, 141—142). По его мнению, это были первые группы охотников, которые проникли в высокие широты во время климатического оптимума и позже, в период ухудшения климата (рубеж III—II тысячелетий до н. э.), выработали именно те характерные черты Арктической культуры, которые прослеживаются у многих народов приполярной зоны.

В междуречье Оленека и Хатанги Л. П. Хлобыстин обнаруживает для II—I тысячелетий до н. э. культуру охотников на дикого северного оленя — буолколлахскую культуру, которая имеет прямые аналоги в поздненеолитической культуре, выделенной Ю. А. Мочаповым. Так же, как и в ымыяхтахских памятниках, здесь встречаются наконечники стрел трехгранной «пипильнико-видной» формы и керамика с «вафельным» узором. По мнению Л. П. Хлобыстина, буолколлахская культура генетически связана с памятниками Нижней Лены.

Инвентарь неолитических стоянок в долине р. Оленек обнаруживает несомненную близость к ленскому и свидетельствует о том, что освоение бассейна этой реки шло с востока (Константинов, 1970, 73—93).

Таким образом, поздненеолитическая (ымыяхтахская) культура охватывала огромную территорию от Хеты до Чукотки. Некоторая близость культуры к юкагирской, известной нам по поздним этнографическим данным, является основанием для этнической характеристики носителей ымыяхтахской культуры. По мнению ряда исследователей, в них можно видеть праюкагиров (Окладников, 1955б; Хлобыстин, 1973б). Несколько иное мнение по этому вопросу высказал Ю. А. Мочапов. «За археологическими культурами каменного века Якутии бесспорно стояли предки многих народов. Отдельные от них, вероятно, не дожили до наших дней, другие же переселялись на новые области. В какой-

то степени можно предполагать что часть позднеолитического населения оказала определенное влияние па формирование предков северо-восточных палеоазиатов» (Мочанов, 1969, а, б):

Однако сопоставление территории расселения «северо-восточных палеоазиатов», т. е. народов чукотско-корякской языковой группы, и распространения белькачинской и ымыяхтахской культур в Восточной Сибири не подтверждает этого вывода. Если рассматривать раннеолитические памятники как исходный вариант позднеолитической культуры, локализованной на определенной территории и культурно обособленной, то можно говорить о расселении на территории от Таймыра до Чукотки уже в VI тысячелетии до н. э. какого-то древнего населения, более или менее однородного по своим культурным признакам. Это соображение в известной мере согласуется с гипотезой В. Н. Чернецова об этапах освоения высоких широт, т. е. белькачинцы распространяются в Приполярье и Заполярье приблизительно в то же время, что и уральцы на территории Западной Сибири и Европейского Севера. Таким образом, смена культур представляется эволюцией исходного варианта.

Конечно, не следует считать, что посетители неолитической культуры Якутии и прилегающих районов развивались совершенно обособленно. Неолитические племена Якутии находились в связях с племенами Прибайкалья, а также с населением Дальнего Востока и крайнего северо-востока Азии и с Северной Америкой (Окладников, 1955а, б).

Интересна стоянка Маймечи на Хете, обследованная Л. П. Хлобыстинным, относящаяся к I тысячелетию до н. э. Здесь вместе с характерным неолитическим инвентарем и сетчатой керамикой были обнаружены лабретки. Их наличие Л. П. Хлобыстин трактует как этнизирующий признак, доказывающий родство древнего населения Таймыра и Северной Америки (Хлобыстин, 1972а, б, 1973б, в; Гурина, Хлобыстин, 1972а, б). Однако более вероятно предположить, что на Таймыр проникли какие-то группы морских охотников из Берингоморья.

Предки юкагиров, освоившие огромные пространства Восточной Сибири, следует думать, были все же крайне малочисленны. Таежные районы Ленского края, верховья Колымы, Индигирки, Яны и Оленека в силу своих природных условий, видимо, никогда не были густо заселены человеком (Окладников, 1941, 178). Все же предки юкагиров, возможно, оказали известное влияние на соседние племена ипого этнического происхождения. Неудачи в промысле заставляли их время от времени мигрировать на соседние территории. В III тысячелетии до н. э. на Чукотку, как показывают археологические данные, проникает из Якутии сетчатая керамика, а в I тысячелетии до н. э. — шнуровая. Воздействие неолита Якутии выражается и в распространении характерных типов каменных изделий, таких, как ступенчатые тосла (Очерки истории Чукотки..., 1974, 29). Посетители

усть-бельской культуры (I тысячелетие до н. э.— начало н. э.) находились в непосредственных контактах с населением Северной Якутии. Очевидно, в создании ее приняли участие и предки юкагиров (Диков 1961а, б). Это подтверждается и антропологическими данными. Анализ черепа из Усть-Бельского могильника показал, что в нем имеются и признаки, характерные для арктической расы, и признаки байкальского типа, характерного для юкагиров (Гохман, 1961).

Как следствие проникновения юкагирских групп на Охотское побережье в последние века до н. э. в литературе объясняется возникновение в древнекорякской культуре внутриконтинентальных керамических традиций (сосуды с оттисками сетки-плетенки, ложпотекстильная керамика), восходящих к ленскому неолиту (Василевский, 1971, 173—174).

Таким образом, археологические памятники севера Восточной Сибири хронологически совпадают с периодом освоения человеком высоких широт в Западной Сибири. Археологические культуры континентальных районов от Хеты до Анабара допустимо связывать с предками юкагиров. В то же время прослеживается бесспорная связь этих памятников с западными регионами Приполярья и Заполярья, заселявшихся древними уральцами. Как уже говорилось выше, уралоязычные автохтоны, осваивавшие в послеледниковый период высокие широты, вошли в качестве субстрата в состав известных северных народов. Это хорошо прослеживается на примере энецов, ненцев, иганасан и др. (см. раздел об уралоязычном этническом субстрате). В западных регионах расселение этого субстрата и формирование культуры охотников на дикого северного оленя относится ко времени термического оптимума, что в известной мере согласуется с формированием ранне-неолитической культуры Якутии (по Ю. А. Мочанову). Можно рассматривать ранне-неолитические и поздне-неолитические памятники как генетически связанные. Нельзя исключать и этническую двухкомпонентность древнего населения, которое некогда расселялось на тех территориях, которые принадлежали юкагирам. Если допустить, что первые поселенцы северной тайги и тундры Западной Сибири были генетически связаны с уральцами, то и для территории Восточной Сибири выявляются аналогии древним этническим процессам Западной Сибири и Европейского Севера, т. е. и на этот древний уральский недифференцированный северный субстрат наложились выделившиеся юкагироязычные элементы, которые и составили поздне-неолитическое население.

Этническая интерпретация археологических данных территории севера Якутии в известной степени подтверждается лингвистикой. Обнаруженные в археологических памятниках Восточной Сибири параллели с памятниками, которые связываются с уральцами, соответствуют генетическим связям языков уральской языковой семьи и юкагирского.

Как известно, основы научного исследования юкагирского языка были заложены в конце XIX в. В. И. Иохельсоном. Он не только собрал необходимые материалы, но и попытался их проанализировать (Иохельсон, 1892, 1900, 1934). Изучение языка юкагирских групп показало несхожесть его с языками соседних народов. Указывая на характерное для юкагиров слияние нескольких слов в одно слово, В. И. Иохельсон высказал предположение о родстве юкагирского языка с языками коренных народов Северной Америки (Iochelson, 1899). Однако его предположение не подтвердилось. Уже в начале XX в. было обращено внимание на соответствие некоторых слов юкагирского языка в словах финно-угорских языков. Сводка по этому вопросу приведена Е. А. Крейновичем (1958, 6).

Углубленное исследование юкагирского языка в плане связи его с языками финно-угорских народов было произведено И. Ангере (Angere, 1956). Он предложил рассматривать юкагирский язык как прауральский, как язык, находящийся в известном родстве с языками уральской языковой семьи. Согласно представлению И. Ангере, юкагирский язык и уральский восходят к единому древнему родству. И. Ангере не называет время языкового обособления юкагиров и не определяет период языкового единства, так как для определения языкового тождества им был использован сравнительно ограниченный круг лексических соответствий. 1

Тот же метод позволил еще раньше Б. Коллиндеру (Collinder, 1940, 1955, 1958, 1960) более определенно говорить о принадлежности юкагирского языка к уральской языковой семье. Возможность отнести юкагирский язык к уральской семье признали К. Буда (Bouda, 1940), Д. В. Бубрих (Бубрих, 1948, а), И. Н. Мещанинов (Мещанинов, 1948), Е. А. Крейнович (Крейнович, 1958) и др. Такая неопределенность позиций была вызвана двумя причинами. Первая заключалась в чрезвычайной скудости юкагирского лингвистического материала. Как известно, изучение юкагирского языка началось сравнительно недавно — в тот период, когда сохранились всего лишь два диалекта — тундровый и лесной. В то же время для XVII в., по аналогии с другими народами рассматриваемой зоны, можно предположить у юкагиров существование многих языков и диалектов, соответствующих территориальным группировкам, как это было, например, у северных самодийцев. Вторая причина неопределенности позиций перечисленных исследователей состояла в неразработанности методики изучения и определения языковых подобий. Детальная разработка этой проблемы позволила Оливье ги Тайеру доказать бесспорную принадлежность юкагирского языка к уральской языковой семье (Tailleur, 1959).

1 Принадлежность юкагирского языка к уральской языковой семье позволяет говорить об обособлении предков юкагиров от пеходного ареала, о языковом, а следовательно, и этнокультур-

ном разделении уралоязычных народов вообще. В этой связи прежде всего обращает на себя внимание факт значительного отличия юкагирского языка от других языков уральской языковой семьи. При сравнении всех языков этой семьи выявляется более значительная степень отличия юкагирского языка, нежели языков финнов, самодийцев и угров. Этот факт может быть объяснен прежде всего более длительным периодом изолированности юкагирского языка или языков, что могло быть следствием прежде всего некоторой несинхронности заселения Восточной Сибири и западных областей уральцами. В Восточной Сибири не было таких мощных ледниковых формообразований, которые имели место на западе от Таймырского п-ова. Восточная Сибирь оказалась пригодной для жизни человека значительно раньше, чем Западная и север Европейской части. Проникновение древних уральцев в северные районы Восточной Сибири могло произойти раньше, чем началось расчленение их в районах, близких обеим сторонам Уральского хребта. Предположительно это время можно отнести или к интерстадиалу между периодом распада урало-алтайской языковой общности и периодом существования недифференцированной уральской языковой общности, к началу распада уральской семьи.

Праюкагиры были самым ранним пластом уральцев, продвигнувшихся на Север. Более длительный период изоляции и определил большую степень языковых отличий населения высоких широт Восточной Сибири (Симченко, 1976).

Значительная метиссация и немногочисленность юкагиров существенно затрудняют антропологическую характеристику аборигенов северо-востока Сибири и ограничивают роль антропологии в исследовании этногенеза юкагиров.

Попытки исследовать антропологию юкагиров предпринимались уже в начале нашего столетия. Л. Д. Иохельсон-Бродская по весьма ограниченной программе описывала антропологические типы Колымского края и юкагиров в частности (Иохельсон-Бродская, 1907). Изучением краниологического типа юкагиров занимался Г. Ф. Дебец (Дебец, 1951). Наиболее детальная разработка антропологической характеристики юкагиров сделана И. М. Золотаревой (Золотарева, 1968; 1975). Ею были рассмотрены все данные, использованные предшественниками, а также собраны соматологические и серологические материалы в низовьях рек Колымы, Индигирки, Алазеи, Чукочей, Ясачной и Нелемной. Достаточно широкий круг источников позволил И. М. Золотаревой сделать несколько важных выводов относительно антропологического типа юкагиров и его месте в расогенезе народов Сибири.

Как уже говорилось выше, Г. Ф. Дебец и М. Г. Левин при рассмотрении расогенеза тулгусской общности относили антропологический тип юкагиров к байкальской группе. Точнее, антропологический тип юкагиров в рассмотрении Г. Ф. Дебца и М. Г. Левина сопоставим с байкальской группой. При этом юка-

гирский компонент выступает как древний этнический пласт, определивший антропологический тип тунгусов Восточной Сибири.

Ориентировочное сравнение комплексов признаков, сделанное И. М. Золотаревой, подтвердило в общем точку зрения, по которой юкагирские группы в целом тяготеют к эвено-эвенкийской общности, играя роль древнейшего пласта, с которым взаимодействовали пришлые тунгусоязычные группы. В то же время сравнение антропологических типов юкагиров и чукчей и якутов выявляет существенные отличия. Таким образом, по антропологическим данным юкагиры бесспорно относятся к урало-алтайскому ареалу, а не к «палеоазиатскому».

Заслуживает внимания произведенное И. М. Золотаревой сопоставление антропологического комплекса признаков, выявленных у юкагиров, с одной стороны, и нганасан, генетически восходящих к самым ранним этническим пластам Таймыра и прилегающих территорий — с другой.

И. М. Золотарева отметила их большую близость по ряду признаков с древнейшими расовыми типами на территории Сибири, восходящими к единой исходной форме. Антропологические данные позволили ей высказать предположение о еще большей связи физических типов нганасан и юкагиров в прошлом, когда они образовывали достаточно однородную антропологическую общность с древнейшим населением Енисейско-Ленского междуречья (Золотарева, 1975). Это в известной степени согласуется с языковыми данными.

Близость юкагирских племен к древнейшему автохтонному населению Ленского края и прилегающих областей подтверждается этнографическими данными.

Юкагирские племена в то время, когда они стали известны русским, представляли собой своеобразную аморфную этнолингвистическую общность, плохо осознававшуюся самими юкагирами, но воспринимавшуюся как единое образование окружающим их населением. На территории, осваивавшейся юкагирами, судя по материалам XVII в., существовал ряд традиционных устойчивых типов хозяйственной деятельности, приспособленных к специфике местных климатических условий (Гурвич, 1975). В верховьях Колымы, Ипдигирки, Яны юкагиры занимались речным рыболовством, охотой, имели ездовых собак. Основным объектом охоты был лось. Местами сосредоточения юкагиров были речные участки, «ямы» около перестилей, где осенью скапливалась рыба. Лук, стрелы, самоловы, тальниковые невода, морды, переметы из костяных или деревянных спиц служили основными орудиями производства. Транспортные средства были представлены скользящими лыжами, подбитыми камусом и голицами, ручной партой с рулем-оглоблей, берестяными и долблеными лодками. Собаки применялись на охоте, на них также перевозили несложный скарб во время перекочевок (Иохсельсон, 1898).

Более специализированным было хозяйство предков тундровых юкагиров. Они вели подвижный образ жизни, совершая за стадами диких оленей регулярные перекочевки от лесотундры к морю. Видимо, основой существования была массовая загонная охота на этих животных и охота на речных переправах во время осенних миграций оленей с севера на юг. Подсобными, но важными отраслями хозяйства служили охота на лишьих гусей, рыболовство. Существенную роль в их жизни играло собирательство (Иохельсон, 1900б; Iochelson, 1924). Тундровые юкагиры были оленеводами. Домашние олени использовались в основном как средство транспорта.

Возможно, своеобразную хозяйственную группу представляли собой оседлые юкагиры в устьях рек. Основой их существования служили рыболовство и охота на диких оленей во время переправ через реки. Разумеется, в отдельных локальных группах материальная культура имела свои отличия, специфические детали.

Значительным архаизмом отличались обычаи и религиозные представления юкагиров. Только у юкагиров были зарегистрированы пережитки культа предков. Юкагирские обычаи расчленения и мумифицирования тела умерших шаманов не находят аналогий в обычаях окружающих народов. Архаические особенности прослеживались и в общественных отношениях юкагиров. Матрилокальность браков, добрачная свобода девушек, билинейный счет родства, своеобразная структура рода, состоявшего из единокровных родичей и свойственников, также свидетельствуют о том, что юкагиры унаследовали элементы общественного устройства далекого прошлого. Все это может рассматриваться как косвенное свидетельство близости юкагиров к древним аборигенам севера Восточной Сибири.

Для понимания происхождения юкагиров многое дает сравнительный анализ их культуры и потомков северных уральцев.

Обращает на себя внимание известная генетическая связь самоедоязычных групп Таймыра и западных юкагироязычных групп (Симченко, 1968). Осознание этого родства было замечено Б. О. Долгих, приведшим примеры присоединения юкагиров к нгагасанам в середине XVIII в. (Долгих, 1952б, 63). Здесь уместно напомнить, что старые авторы и географы помещали нгагасан — «самоедов-тавгийцев» — между Енисеем и Леной (Strahlenberg, 1730). Здесь же упоминаются некие «самоедо-юкагиры».

В качестве общих элементов культуры охотников на дикого оленя, сохранившихся в качестве реликтов у юкагиров, можно назвать способы охоты на копытных (поколка, употребление оленьих-манщиков и пр.), особенности орудий охоты (простой лук и др.), специфику жилищ и одежды, общественное устройство и мировоззрение.

Большая часть этих соответствий восходит, видимо, к глубокой древности. Однако следует учитывать и то, что в Енисейско-

Депском междуречье имели место длительные и глубокие контакты западноюкагирских племен и восточных самодийцев. Об этом ярко свидетельствует фольклор северных якутов, нганасан, эвенков (Гурвич, 1973, 105—106).

Различия между типами хозяйства и особенностями культуры нганасан и тундровых юкагиров сложились вследствие ряда причин. Несомненно, сказалось территориальное обособление. На характер хозяйства предков нганасан оказали влияние эвенки (тунгусы), в особенности южные самодийцы, а на юкагиров — эвены (ламуты). Последние, видимо, проникли в область расселения юкагиров задолго до прихода русских в Сибирь. Эвенское влияние сказалось на всем облике материальной культуры юкагиров. От них они восприняли оленеводство, что привело к значительным изменениям и в хозяйстве, и в характере быта.

На формирование юкагиров воздействовали также предки северо-восточных палеоазиатов. В традиционной культуре юкагиров прослеживаются элементы, указывающие на связь с палеоазиатской культурой — пережитки обряда трупосожжения, гадания по подвешенным предметам, жертвоприношение собак, представление о возрождении душ, особая роль ворона в мифах, хотя у юкагиров он не выступает, как у коряков и чукчей, в роли мироустроителя. Отметим ряд элементов в области материальной культуры, общих для чукчей и коряков, с одной стороны, и юкагиров — с другой. Это прежде всего оленья упряжь и дугокопильные нарты, толкуша — блюдо из толченого вяленого мяса с жиром и ягодами, способы украшения одежды жгутами из крашеной мерничьей шкуры и т. д.

Таким образом, имеющиеся источники показывают, что юкагиры сложились на древней уральской основе, эволюционировавшей вследствие поступательного развития производительных сил и производственных отношений в специфических условиях севера Восточной Сибири. Предки юкагиров испытывали сильное влияние этнических групп, складывавшихся в Прибайкалье и на крайнем северо-востоке Сибири, а также сами приняли участие в их формировании.